

7 июня 2017 года на заседании Международного фестиваля в Черногории «Русские мифы» поэт Григорий Певцов (Россия) познакомил нас со своим переводом «Слова о полку Игореве». Это заставило меня вновь обратиться к этому памятнику Древней Руси, и пришла в голову мысль заполнить лауну в истории взаимоотношений между половцами (кыпчаками) и славянороссами. Кроме того, автор, перебирая свои старые записи, принял неожиданное решение: дать новую интерпретацию этих отношений, опираясь на исторические источники и на летописные своды Киевской Руси, отражающие события «великой замятни», о которой более выпукло повествуется в этом гениальном древнерусском произведении. К этому решению подтолкнули и материалы в СМИ России, и публикации в нашей стране: «почвенников», западников и радетелей русской и казахской старины. Этих авторов, осуждавших отношения между исследуемыми народами, Л.Н. Гумилев называл «черными полковниками». Конечно, автор мог бы и не обращать на них внимания, ибо римляне называли такие сочинения скрупулом, камешком, попадавшим в обувь и неприятно коловшим пятку. Его следовало просто вытрясти. Однако это было бы невежливым академическим жестом, поэтому автор предлагает читателю в настоящей статье свои предварительные раз-

мышления-исследования золотого слова русской культуры — «Слова о полку Игореве». Хочется сократить расстояние между современным читателем и этой древней великой мудростью, в которой мы обнаруживаем прозрения и «смутные» речения, сквозь толщу веков пытающихся пробиться к нам, читателям XXI века.

Известно, что в 1788 году А.Мусин-Пушкин одолжил на время Слово о полку Игореве у архиепископа Спасо-Преображенского монастыря Иоила (Иван Быковский). Этот памятник был помещен в конце Хронографа под № 323 в библиотеке монастыря. А. Мусин-Пушкин выполнил копию для Екатерины II и был издан после смерти Иоила, и после смерти его преемника Арсения в 1800 году. Приступим к анализу этого памятника древнерусской письменности.

«Святослав смутный сон видит в Киеве на горах». Этот сон князя Святослава можно объяснить следующими психологическими моментами: во сне князь перебирает все варианты, сложившейся ситуации, связанной с вероломным нарушением мирного договора с половецкой Степью Игорем Новгород-Северским и его поражением. Через смутный сон приходит просветление, чтобы утром найти выход из создавшегося положения, чтобы «изронить золотое слово, со слезами смешанное». Действительно, утро вечера мудренее. Перед Киевской Русью возникла проблема: как теперь остановить нашествие половцев. Этот эпизод «Слова о полку Игореве» демонстрирует читателю, что князь Святослав мудр и обладает развитой от природы великолепной интуицией, чего не скажешь о князе Игоре, которому зависть застит глаза, не дает покоя слава киевского князя, он желает одного — «испити шеломомъ Дону».

Святослава никто не извещал о походе и пленении Игоря, о гибели его дружины, но тревожная вереница междоусобиц, по-видимому, не покидает князя и во сне. Она предстает ему в образе серых воронов, летящих к синему морю. Святослав тонко улавливает аномалии энергетических полей через призму «смутного», то есть тревожного, сна. Все его силы и помыслы направлены на устранение внутренних неурядиц в стране, так как они притупляют чувства внешней опасности, которые могут привести к набегам на русскую землю и выходу дани «по беле от двора».

Игорь представлен автором «Слова» как человек, душа которого терзается какой-то неудовлетворенностью: он не желает прислушаться к безотчетному чувству тревоги, по-видимому, из-за упрямства своего и тщеславия. Именно тщеславие закрыло ему глаза на разворачивающиеся события вокруг него и его дружины. История с Игорем не единична и не случайна. Например, что стало с Наполеоном под

Ватерлоо? Император почувствовал тревогу из-за того, что может проиграть сражение. Но в нем в этот момент притупилась интуиция. Может быть, от усталости? И он махнул на все рукой. Так и с Игорем — его охватила тревога, подсказываемая ему природой: Солнце ему, Игорю, «тьмою путь заступаше»; «свисть зверинь вьста; збися дивь»; «другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведають; чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыта четыре солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону великаго!» Природа создает тревожный фон Игорю и его дружине, но он непреклонен. Он «къ Дону вои ведеть!» Кроме того, все языческие боги отворачиваются от Игоря. Он обречен на поражение.

Дважды обращается он к своей дружине, и в своих речах он не только не сулит своим воинам ничего путного, и не только не ободряет их, но и обрекает их на верную гибель. Как говорится, махнул на них рукой, произнося ни к чему не обязывающие слова, почти пробормотав их под нос «(...) но како ны богъ дасть».

Языческие боги — Сварог и его сын Дажьбог, Стрибог и Хорс — уже отвернулись от них, он чувствует это, он запрограммирован на неуспех, поражение.

Дружина Игоря вместе с ополчением («черными людьми») попала в ловушку, ловко расставленную половцами: центр беспорядочно отступил, а крылья-фланги сомкнулись, и Игорь оказался в окружении. Такая тактика тюрков называется «облавной охотой», а Игорь, по-видимому, не ведал о ней. Безымянный автор «Слова» сообщает, что половцы превосходили русичей и качеством вооружения. В их распоряжении были «харалужные» мечи, мобильная конница, осадные орудия и другие. Приведу некоторые исторические отступления по этому поводу. Так, А.С. Пушкин посетил в 1832 году лекцию профессора Давыдова, который привел высказывания Иосифа Бодянского, что данный памятник является подлогом. А.С. Пушкин обратился к И. Бодянскому с вопросом о значении слова «харалужный», на что Бодянский не дал вразумительного ответа. Отметим, что «харалужный» значит «цветистая сталь, булат». Позже это значение уже фиксируется в словарях И.И. Срезневского и В.И. Даля как заимствованное из тюркского языка. Автор «Слова» отмечает, что половцы имели огромные, передвигающиеся на великих «кричащих» арбах самострелы, тетиву которых натягивают около ста человек. У них на вооружении были «шерешеры» («греческий огонь»), при помощи которых они могли сжечь огнем сухостой в степи и таким образом отрезать путь противнику для отступления, и, кроме того, возникали трудности для маневра конницы во время боя.

Безымянный автор сего произведения был талантливейшим язычником: на протяжении всего текста почти не упоминает имени христианского бога, и только в конце «Слова», вероятно, это поздняя приписка, единожды всеуе приводит это имя во время здравия князю и дружине, которые борются за христианство против поганых язычников-половцев. Это свидетельствует о правоте выводов западноевропейской культурантропологии, что нельзя «за один день», отринув исконно славянские «свычаи и обычаи», переменить старую веру. Напомним, каков был финал правления великого фараона Египта Эхнатона, который вместе со своей красавицей женой Нефертити в течение 17 лет насаждал единобожие («быть угодным единому богу Атону») и потерпел поражение от молчаливых и угрюмых жрецов, поскольку после его смерти все вернулось на круги своя. В течение всего XII века в Киевской Руси еще ощущалось, особенно на периферии, сильное влияние исконно славянского языческого, митраистского, по сути, мироощущения, которое было Владимиром I Красным Солнышком сдобрено еще и язычеством скандинавского происхождения. Это симбиозное мировоззрение в XII веке еще не кануло в Лету.

Автор «Слова» вкладывает в уста Игорю слова, похожие по форме текста на «Поучения» Владимира Мономаха. Эти слова произносит он в минуту опасности, проявляя заботу о «черных людях», которые были втянуты им в качестве неопытного ополчения в состав его боевой дружины: «Оже побегнемъ, утечемъ сами, а черные люди оставим, то от бога ны будетъ грех, сих выдавше». Обратите внимание на сочетание слов «черные люди», которое является семантической калькой с древнетюркского языка: «кара бодун», встречающееся в древнейших текстах более раннего периода (VI–IX вв.). Такие семантические кальки не единичны, о них писали многие известные ученые Евразии. Это свидетельствует о глубоких и искренних взаимоотношениях восточных славян с тюркоязычными народами, начало которым было заложено еще в гуннское время. Л.Н. Гумилев отмечает, что до VIII века н.э. международным языком на просторах Евразии был тюркский, а начиная с XI века, таковым стал древнерусский. Поэтому в рассматриваемой эпохе мы наблюдаем не только конфронтацию между исследуемыми народами, но и периоды мирной жизни, где процессы аккультурации протекали интенсивнее, чем принято было думать в недавнем прошлом.

Итак, Игорь выступил один против войск западной конфедерации Дешт-и-Кыпчак. Сравните, например, в Ипатьевской летописи, где Игорь сказал следующее: «Вся половецкая земля собралась против нас». Это были войска ханов Кончака Отроковича, Гзака Бурновича,

Токсобица Колобича, Етебича и Терьторобича. Эти имена были на слуху у населения Киевской Руси. До вторжения Игоря в Дешт-и-Кыпчак они были желанными гостями киевских князей. Общались между собой не только сановные вельможи, но и простые люди, купцы, которые вели торговлю. Отметим, что половецкая степь вела почти не прекращавшуюся торговлю с русскими княжествами, лежавшими по бассейну как Днепра и его притоков, так и Оки. Из Рязани и Днепровских земель везли купцы в Нижнее Поволжье русский хлеб, а вместе с ним и русский лен, на который был большой спрос как в Средней Азии, так и на Кавказе, и в Крыму, и в Иране. Арабская и персидская географическая традиция оставила свидетельства о том, что рынок Темыр Капыга (Дербента) в X веке был известен по всему Великому шелковому пути как центр продажи не только рабов, но и славился как рынок русского льна. По северному ответвлению Шелкового пути из Киевской Руси через Бозок (современная Астана) в Хорезм и дальше на Восток везли купцы-рахдониты меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев и коз, также свечи, стрелы, кору белого тополя, высокие боярские шапки, рыбий клей, рыбы зубы, касторовое масло, амбру, мед, соколов, мечи, березовую кору. Итак, мы наблюдаем активный процесс взаимовлияния культур Руси с Великой степью. В приграничных областях наблюдался процесс метисации и ассимиляции, что создавало, как указывает Л.Н. Гумилев, условия для появления в перспективе новых популяций. Позже они стали основой для оформления новых этносов в Восточной Европе. Некоторые половецкие роды и племена селились на территории Киевской Руси и поступали на службу к удельным русским князьям, например, черные клобуки, к которым обращается в тяжелую годину Изяслав Мстиславович: «Луче, братье, измрем сде, нежели сесь сором възмем на ся» (Ипатьевская летопись под 1150 г.). Черными клобуками называли берендеев, которые вместе с другими половецкими племенами, например, торками и уличами, селились еще со времени образования Киевской Руси (примерно с конца IX века) на ее южных окраинах. Это половецкое население в древнерусских летописях обобщенно называют черными клобуками, вероятно, калькируя одно из тюркских самоназваний — каракалпаки — «черные колпаки». Как указывают российские этнологи, это население постепенно сливалось с пограничным славянским этносом. К XII веку половецкие поселенцы уже полностью ославянились, сохранив только исконные тюркские этнонимы. Эта пассионарная часть населения Киевской Руси стала верными и лучшими дружинниками киевских князей, как пишут о них летописцы: «Умирают за

Русскую землю и головы складывают», охраняя границы Киевской земли от набегов половецких. Кроме того, принимают живое участие в междоусобных распрях удельных князей. Славянизированными тюрками был заселен основанный в XI веке южнее Киева город Юрьев. Кроме того, развивались брачные отношения между Русью и Полем. Так, половецкие витязи увозили синеоких славянских дев в свои города, например, в столицу Западного Дешт-и-Кыпчака Сугдаг, которая находилась на восточном побережье Крыма, или в свои летние кочевья. А сами охотно выдавали замуж своих волооких дев славянороссам. В истории Киевской Руси половцев называют сватами. Так, автор «Слова о полку Игореве» намекает на то обстоятельство, что один из предводителей половецкой конфедерации хан Кончак был сватом Игоря. Сын Игоря Владимир был помолвлен с дочерью Кончака. Отметим, что сложилась определенная традиция — русские князья весьма часто роднились с половецкими ханами. Так, например, Олег Святославич, дед Игоря, был женат на дочери хана Асалупа. Святослав Ольгович, отец Игоря, был также женат на половчанке (внучке хана Гиргеня) и имел особое половецкое имя — Кытай. На половчанках были женаты: упоминаемый в «Слове» Святополк Изяславич, он в 1094 году женился на дочери Тугорхана; Юрий Долгорукий, упоминаемый в «Слове» Рюрик Ростиславич («буй» Рюрик), и многие другие князья также были женаты на половецких красных девах. Известный русский ученый Н.А. Баскаков свидетельствует, что генеалогическое древо некоторых русских фамилий берет свое начало именно с того времени, когда между тюркоязычными и восточнославянскими племенами на популяционном уровне с IV по XV век протекал активный процесс аккультурации. Об этом явствует, например, происхождение фамилий выдающихся деятелей русской культуры, таких как Н.М. Карамзин (от тюркского сочетания «кара мурза»), М.И. Кутузов (от тюркского «куттуз» — «горбатый»), И.С. Тургенев (от тюркского гидронима «Тургень») и др. [1]. Да и некоторые фамилии из казачьего сословия говорят об этом, например, Николай Караченцев (от тюркского этнонима «карашы»), Владимир Коченов (от тюркской лексемы «кош» — «кочевка») и др. Отметим, что в недавнем прошлом принято было считать любые отношения Руси с Полем чуть ли не дипломатической ошибкой, а сватовские отношения называли «беспечными» брачными союзами русских князей с «врагами» русского народа. Что сказать по этому поводу? Приведем слова Ларисы Яковлевны Костючук, прекрасного исследователя языка и культуры Древней Руси, профессора Псковского университета. Она всегда утверждала: чтобы понять смысл многих

мест древнего текста и культурно-исторического контекста, следует не взирать на них с высоты конца XX века, а встать на их место, попробовать пережить вместе с ними те события, которые имели место в далеком прошлом. Иначе говоря, преодолеть аберрацию дальности. Кроме того, эту новую популяцию, образовавшуюся в результате метисации и ассимиляции, можно ли считать «горькой иронией»? Это ведь касается современных украинцев и казачьего сословия. Они что же, «лишние люди» на одной шестой части суши?! Их далекие предки, оказывается, забыли спросить разрешения на брак у наших современников. Еще М. Хайдеггер писал, что «истина есть открытость бытия». Такова история взаимоотношений между Киевской Русью и Дешт-и-Кыпчаком. Такова открытость их жизни. Нарушение мира между конфликтующими народами истощало силы обоих государств. Поэтому становится понятным, почему авторы русских летописей и «Слова о полку Игореве» осуждали Игоря и буй тура Всеволода, что они «нечестно» одолели передовой отряд половцев, что они «нечестно» пролили кровь половецких воинов. Итак, складывалась неприглядная картина: с одной стороны, непрерывная внутренняя «заямтня» — междоусобица, разрушающая удельно-лествичную систему государства, с другой, появилась опасность внешнего вторжения со стороны половцев. Такая обстановка превращала Киев и его князя не в грозного, а в слабейшего правителя. Хотя в сознании славяно-россов (они помнили величие Киева и мужество своих великих пассивных дедов) Киев оставался центром государства, собирателем русских земель, а киевский престол был главою всех русских князей. Д.С. Лихачев считает, что автор «Слова» только наделяет Святослава идеальными качествами главы всех русских князей: он «грозный» и «великий» [2]. Однако следует вспомнить, что усилиями этого князя совместно с Рюриком сделана попытка установления прочного мира с юго-восточными соседями, попытка получить своеобразную передышку (1184 г.) для устранения внутренних раздоров.

Этому помешало неожиданное для Святослава и Рюрика вероломное вторжение Игоря и Всеволода в половецкую степь (1185 г.), что создало опасный прецедент разорения южных пределов государства. Сравните, например, как об этом повествуется в «Слове»: «А вьстона бо, братие, Киевь тугою, а Черниговь напастьми. Тоска разлияся по Русской земли». Именно эти чувства беспокоили князя и денно и ночью терзали сердце Святослава. В «смутном сне» ему гадают язычники-волхвы, бросая жемчуг на лоно, что два сокола нарушили мирный договор с половцами, что они решили «испити шеломомь Дону», что их теперь «опуташа вь путины железны». Такова краткая характеристика сложившихся событий 1185 года.

А что же кыпчаки? Воспользовались они появившейся возможностью для вторжения на Русь к своим сватам? В этом отношении интересен диалог между Гзаком Бурновичем и Кончаком Отроковичем. Кончак предлагает Гзаку скорее женить сына Игоря Владимира на красной половецкой девице. В ответ Гзак ему вторит, что не сожжем сокола опутати красною девицею, так как не удержим сокола и девицу. Уйдут они от нас. Не сможем мы объединиться с Русью перед надвигающейся грозой с Востока. Эту опасность с Востока ощущали кыпчаки острее, так как их соплеменники с Восточного Дешт-и-Кыпчака уходили налегке, поспешно покидая западные отроги Алтая от надвигающихся орд Чингисхана, который оставил завещание — настигнуть кыпчаков и уничтожить [3]. Знаменательны в этом отношении последние слова Гзака: «(...) почнуть наю птици бити въ поле Половецкомъ», то есть ощущаем дыхание людей «длинной воли» с Востока. Киевская Русь пока не ощущает этой тревоги, она поет славу Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду и сыну Игоря Владимиру Игоревичу и призывает князей и дружину стоять стеной за христианскую веру против «поганья плъки». Тщетны попытки половцев сблизиться со славяно-россами. Сравните, например, как хорошо передал эти чувства поэт Олжас Сулейменов в одном своем стихотворении «Волхов, Волхвы»:

Белотелая Леда из темноты
Гладит кудри его, горюя,
И ложатся в траву,
Шевельнулись кусты,
Из седла,
Из кустов смотрю я...
Новгородское бурное вече,
Теплый, тихий багряный вечер,
Ночь тревожная, дикая, дивная,
Над рекой проливные ливни... [4].

Примечания

1. *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. — М.: Наука, 1979.
2. *Лихачев Д.С.* Предисловие и Комментарии // Слово о полку Игореве. — М.: Художественная литература, 1985.
3. *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989.
4. *Сулейменов О.О.* Определение берега. — Алма-Ата, 1978.
5. *Певцов Г.* Слово о полку Игореве: современный русский перевод // Доклад на заседании Международного фестиваля «Русские мифы». — Дзеновичи, Черногория, 7 июня 2017.